

УДК 902

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-27-38

О РАННИХ ЭТАПАХ СТАНОВЛЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И СКОТОВОДСТВА НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ И ИХ ЗНАЧЕНИИ В ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Канделаки Д. А.

Абхазский институт гуманитарных исследований имени Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии
384000, г. Сухум, ул. Аидгылара, д. 44, Республика Абхазия

Пицундский историко-археологический музей
г. Пицунда, ул. Гицба, д. 8, Республика Абхазия

Аннотация

Цель. Рассмотрение проблемы сложения производящей земледельческо-скотоводческой экономики на территории Абхазии в эпоху неолита.

Процедура и методы. Приводятся некоторые теоретические суждения о вероятных сценариях, механизмах, а также хронологии этих процессов в соотношении с аналогичными процессами неолитизации, происходившими в соседних областях. Сделан анализ роли этих процессов в свете древнейшей этногенетической истории Абхазии и Восточного Причерноморья.

Результаты. Главный тезис данной работы заключается в том, что на территории Восточного Причерноморья шёл процесс сложения неолитического хозяйства практически синхронно с ранними ближневосточными центрами неолитизации. Создателями неолитических культур Восточного Причерноморья были многочисленные древние общины, носители западнокавказских языков.

Теоретическая и/или практическая значимость. Впервые проведён предварительный синтез различных источников для реконструкции древних этногенетических процессов, протекавших на территории Кавказского Причерноморья, и в частности в Абхазии, в дописьменный период. Используются данные палеогеографии, археологии и исторической этнологии с целью сопоставления материальной культуры населения с данными лингвистики, в частности культурной лексики, и определения того природного окружения, в которых проходило развитие общества. По мнению автора, именно синтез вышеперечисленных источников позволяет очертить основные географические (ареальные) границы и хронологию древних этапов этногенетической истории населения Восточного Причерноморья.

Ключевые слова: Абхазия, Восточное Причерноморье, плейстоцен, голоцен, Апианча, Холодный грот, Кистрик, неолит, неолитическая революция, земледелие, скотоводство, просо, синно-кавказская макросемья, дене-кавказская макросемья, енисейская семья, западнокавказские языки, хатты

ON THE EARLY STAGES OF AGRICULTURE AND CATTLE BREEDING FORMATION IN THE TERRITORY OF ABKHAZIA AND THEIR SIGNIFICANCE IN ETHNOGENETIC RESEARCH

D. Kandelaki

Abkhazian Institute of Humanitarian Research named after D. I. Gulia of the Academy of Sciences of Abkhazia

ul. Aidgylara 44, Sukhum 384000, Republic of Abkhazia

Pitsunda Historical and Archaeological Museum

ul. Gitsba 8, Pitsunda, Republic of Abkhazia

Abstract.

Aim. To consider the problem of the formation of an agricultural and cattle-breeding economy in the territory of Abkhazia in the Neolithic era.

Methodology. Some theoretical judgments are given about the probable scenarios, mechanisms, as well as the chronology of these processes in relation to similar Neolithic processes that took place in the neighboring areas. An analysis of the role of these processes in the light of the ancient ethnogenetic history of Abkhazia and the Eastern Black Sea region is made.

Results. The main argument of this work is that in the territory of the Eastern Black Sea region there was a process of addition of the Neolithic economy almost synchronously with the early Middle Eastern centers of the Neolithic. The creators of the Neolithic cultures of the Eastern Black Sea region were numerous ancient communities, speakers of West Caucasian languages.

Research implications. For the first time, a preliminary synthesis of various sources was carried out for the reconstruction of ancient ethnogenetic processes that took place on the territory of the Caucasian Black Sea region, and in particular in Abkhazia of the time before written historical records. The data of paleogeography, archeology and historical ethnology were used to compare the material culture of the population with the data of linguistics, in particular cultural vocabulary, and to determine the natural environment in which the development of society took place. According to the author, it is the synthesis of the above sources that makes it possible to outline the main geographical (areal) boundaries and the chronology of the ancient stages of the ethnogenetic history of the population of the Eastern Black Sea region.

Keywords: Abkhazia, Eastern Black Sea region, Pleistocene, Holocene, Apiancha, Kholodniy Grot, Kistrik, Neolithic, Neolithic revolution, agriculture, cattle breeding, millet, Sinno-Caucasian macrofamily, Dené-Caucasian macrofamily, Yeniseian family, West Caucasian languages, Hatti

Введение

Географическое положение территории Абхазии вблизи древнейшего Ближневосточного очага зарождения производящей неолитической земледельческо-скотоводческой экономики делает необходимым вновь вернуться к проблеме неолита нашего региона. Эта необходимость, с одной стороны, связана с отставанием в исследовании неолитической эпохи в Абхазии за последние десятилетия, а с другой – в наметившейся

тенденции отрицать вероятность существования развитой неолитической культуры на Западном Кавказе [4, с. 263–266; 18, с. 61–72; 23, с. 90–91].

Для начала обратимся к основным положениям, сформулированным современной наукой касательно общего понятия «неолит». Традиционно для определения неолита как отдельного исторического этапа специалистами используются различные критерии, среди которых новые приёмы обработки камня, внедрение ке-

рамического производства, изменения в социальной структуре общества, зарождение земледелия и скотоводства¹. Такое разнообразие подходов обусловлено тем фактом, что неолит – это не однолинейная модель, а неравномерная в темпах своего развития эпоха, которая в том или ином регионе имела свои особенности. В современной науке она как никакая другая эпоха «нагромождена» для отдельно взятых регионов и хронологических этапов различного рода уточняющими дефинициями, как-то: «лесной неолит», «субнеолит», «докерамический неолит», «бескерамический неолит», «пережиточный мезолит», «керамический неолит», «производящий неолит», «присваивающий неолит», «присваивающе-производящий неолит» [2, с. 73–86; 21, с. 6–9]. В такой ситуации, если неолит как отдельная историческая эпоха всё ещё продолжает сохраняться в науке, то ряд аспектов в её изучении претерпевают в свете новейших исследований существенные корректировки². Так, с одной стороны, истоки зарождения неолитических новаций происходили ещё на границах позднего плейстоцена и раннего голоцена, а с другой стороны, те условно прогрессивные преобразования, которые получили названия «неолитическая революция», были не столь революционными по скорости и темпам [11, с. 106–109; 12, с. 61–64; 13, с. 5–16]³. Переход общества от при-

сваивающих к производящим формам хозяйства протекал в условиях порой драматических природно-климатических изменений и перестройки всей прежней модели жизнеобеспечения в условиях новой экологической обстановки⁴.

Описанный выше сценарий осуществлялся только в одном единственном регионе, а именно в аридных областях Передней Азии, который и следует называть собственно неолитом «ближневосточного» типа или даже неолитом вообще. В тех местах, где не было перехода к производящим формам экономики, неолита попросту не было, т. к. отсутствовали предпосылки для такого перехода, а основные навыки производящей экономики были привнесены извне. Связано это с тем, что во внеаридных областях, где природно-климатические перестановки в эпоху раннего голоцена носили несколько иной характер, складывались кардинально иные модели жизнеобеспечения. В бывших перигляционных областях в процессе таяния ледников формировались обширные лесные массивы и густая сеть внутренних водоёмов, что создавало устойчивую адаптивную модель хозяйства охотников, собирателей и особенно рыболовов, не уступавшую, если даже не превосходящую по качеству, стабильности и высокопродуктивности ведения хозяйства ранние неолитические общества Ближнего Востока⁵. По сути, модель развития обществ Западной и Восточной Европы «периода глобального потепления» должна рассматриваться как некая адаптационная аналогия по отношению к культурам Ближнего

¹ С нашей точки зрения, неолит как отдельная эпоха должна выделяться только по самому значимому критерию, а именно – наличию свидетельства производящей земледельческо-скотоводческой экономики.

² См. корректировки для территории Восточного Причерноморья в [7, с. 51–54].

³ В период голоцена мы отрицаем для так называемых Средиземноморных (Альпийско-Гималайских) областей наличие мезолита, во всяком случае, для областей Передней Азии и, со всей очевидностью, Кавказа. Последний был характерен для перигляционных постплейстоценовых обществ Европы. Для эпохи голоцена лучше говорить о линии развития, и в аридных областях с ним связывают кратковременный эпизод «микrolитизации» или эпипалеолита с последующим переходом в эпоху неолита.

⁴ Прим.: Неолит – это, скорее, не время начала революционных преобразований, а эпоха окончательной стабилизации и завершения всей адаптационной трансформации, итогом которой стал переход к земледелию и скотоводству [7, с. 51–54].

⁵ Прим.: к такой форме хозяйственной деятельности можно применить обобщающую категорию «водное собирательство», понимая под этим термином широкий диапазон использования преимущественно водных пищевых ресурсов рек, озёрных водоёмов и прибрежных морских зон.

Востока [5, с. 259–263]¹. Исходя из вышеизложенного, возникает вопрос, а какой сценарий развития общества в эпоху раннего голоцена протекал в Восточном Причерноморье?

К проблеме сложения неолита Кавказского Причерноморья

Сегодня сложно что-либо сказать о самих механизмах и сценариях, а равно и хронологии сложения неолита Кавказского Причерноморья. Время начала сложения первых признаков археологической эпохи неолита и, возможно, с осторожностью, уже навыков сложения земледелия и скотоводства, мы определяем лишь по наличию каменного инвентаря. В широком диапазоне процесс перехода к производящему хозяйству на нашей территории мы определяем в пределах I горизонта пещеры Апианча, который хронологически соответствует концу X – началу IX тыс. до н. э. и является завершающим для мезолита (правильнее: эпипалеолита) и переходным к началу неолита в археологическом контексте этого термина [1, с. 51–57; 20, с. 19–38]. Примерно такими же хронологическими рамками датируется и неолитический памятник Гал I (бывший Пирвели Гали), для которого допускают дату не позднее VII тыс. до н. э., что в целом отражает реальную картину культурно-исторических процессов в пределах Абхазии [16, с. 157–176; 17, с. 101–118]. Подобное характерно и для других памятников, переходных от позднего мезолита к раннему неолиту [3, с. 5–19; 4, с. 263–266; 14, с. 14–37; 15, с. 43–53; 20, с. 19–38]. Верхняя колонка завершающего этапа неолитической эпохи Абхазии вполне согласуется по данным о датировках поселений «Шулавери-Шо-мутепинской» культуры на территории

Центрального и Восточного Закавказья и «Дарквет-Мешоковской (Восточнопричерноморской)» культуры Западного Кавказа [2, с. 73–86; 23, с. 84–93]. Таким образом, неолит Абхазии в археологическом контексте, очевидно, находится в рамках начала конца IX – начала VIII по конец VI – начала V тыс. до н. э. [8, с. 23–29].

Если о хронологии данных процессов мы имеем общие представления, то пока сложно что-либо сказать о хозяйственной деятельности неолитического населения Абхазии. С учётом уровня наших знаний из области археологии предварительно можно представить следующую картину. Симптоматичные следы присутствия остатков растений на таких памятниках, как Холодный грот, пещера Апианча и поселение Кистрик, свидетельствуют о зарождении усложнённого сезонного собирательства злаковых, послуживших в дальнейшем основой доместики и перехода к земледелию. Данную картину дополняет наличие орудий труда, которые по своему функциональному назначению свидетельствуют об активном поиске населением Абхазии новых форм ведения хозяйства в раннем голоцене [21, с. 23–29]. Таким образом, в Абхазии закладывались основы неолитического хозяйства. Однако пока остаётся открытым вопрос, была ли территория Абхазии, а шире – и всё Восточное Причерноморье, центром самостоятельного сложения производящей экономики, или основные навыки земледелия и скотоводства были получены в ходе культурных контактов или непосредственно связано с инвазией древнего населения?². Археологические материалы эпохи голоцена Абхазии, скорее всего, недвусмысленно свидетельствуют о том, что общество в нашем регионе так же шло по пути сложения производящего хозяйства. Здесь, в Абхазии, отдельные памятники несут следы хозяйства, которые имели диффе-

¹ В период раннего голоцена развитие культур в период завершения плейстоценового оледенения пошло 2 разными путями. В Европе стали формироваться культуры мезолитические, а на Ближнем Востоке – неолитические. То есть следует говорить о 2 параллельных линиях развития.

² Подробное изложение концепции по данной проблеме представлено в [7, с. 51–54; 8, с. 23–29].

ренцированный характер, как будто бы свидетельствуя о начале активного поиска населением новых альтернативных моделей жизнеобеспечения, но, возможно, не столь ускоренными темпами¹. Специфика экологической среды способствовала формированию специфической стратегии жизнеобеспечения, среди которой следует отметить активное усложнённое собирательство, очевидно, сезонное, активное использование речных и морских ресурсов.

Преждевременно, по нашему мнению, говорить о том, что в Абхазии зарождение земледелия и скотоводства запаздывало по сравнению с ближневосточными центрами и уж тем более вовсе отсутствовало, как это стало утверждаться в некоторых новейших исследованиях. Высока вероятность, что в случае возобновления исследования неолита на территории Абхазии будут обнаружены памятники, которые спрогнозируют вероятность перехода к производящему хозяйству уже в постплейстоценовый период и которые дадут нам возможность проследить за всем ходом эволюции зарождения земледелия и скотоводства синхронно Ближневосточным центрам.

Резюмируя вышесказанное и основываясь в большей мере на теоретических построениях в рамках гипотезы, считаем, что в Восточном Причерноморье и на Западном Кавказе в целом древним населением синхронно с ближневосточными центрами осуществлялся переход к земледелию и скотоводству, шёл процесс доместикации культурных растений и домашних животных². Однако опреде-

лению хронологии и механизмов такой доместикации препятствует отсутствие значительных палеоботанических и палеозоологических находок, что связано с особенностями климата³. Импульс расселения ранних земледельцев и скотоводов в Причерноморье следует связать с соседними горными и предгорными зонами, с постепенным освоением Колхидской низменности. Самой ранней культурой, послужившей основой зарождения у местных раннеголоценовых общин навыков сезонного собирательства злаковых, является просо (могар) и, очевидно, рожь⁴.

Наличие богатого разнообразия древесных и плодовых форм в связи с вхождением данной территории в область Колхидской флористической провинции способствовало и зарождению зачатков древнего садоводства. А особенности рельефа благоприятствовали формированию на начальных этапах подсечно-огневого земледелия. Процессы сбора и переработки продуктов земледелия и собирательства документируют крупные ножевидные пластины, тёрочки и зернотёрки.

Наличие лесных массивов содействовало зарождению на начальных порах свиноводства и козоводства, а позже и разведению крупного рогатого скота. Большую роль, очевидно, играло рыболовство, достигшее в эпоху неолита пика своего развития. Вначале была развита рыбохота, затем она сменилось рыболовством.

Вот таким уровнем знаний мы сегодня обладаем по неолитической эпохе Абхазии.

¹ Примерно такого же схожего взгляда придерживается сейчас специалист, исследующий плейстоценовые и голоценовые культуры и памятники на Северо-Западном Кавказе [15, с. 43–53].

² Несомненно, в период раннего голоцена высвободившиеся от покровного горного оледенения территории среднегорий Абхазии способствовали расширению произрастания трав, включая злаковые виды. Именно в это время начинается систематическое сезонное собирательство злаковых культур. Что же касается скотоводства, то в условиях лесных

массивов широколиственных лесов наиболее продуктивно было одомашнивание свиней и коз, а чуть позже уже овец и крупного рогатого скота.

³ Просо, обнаруживаемое в Восточном Причерноморье, относится к совершенно другому виду и не связано с видами Восточной и Юго-Восточной Азии.

⁴ Прим.: с этим типом хозяйственной практики следует связать и зарождение обряда вторичного захоронения.

Зарождение земледелия и скотоводства как источник реконструкции древних этногенетических процессов

К сожалению, на сегодняшнем уровне наших знаний мы не можем сказать о том, кем были создатели древнейших культур раннего голоцена и на каких языках они говорили. Здесь можно допустить 2 гипотетические модели. Первая модель допускает, что территория Абхазии и сопредельные области заселялись сапиенсами разной популяционной природы, носителями генетически изолированных и неродственных языков. Вторая модель предполагает вероятность существования на означенных территориях единой группы родственных диалектов и языков. Данная проблема очень важна ещё и потому, что нам необходимо установление точной нижней хронологической границы времени формирования той общности, которая в будущем предстанет в облике групп языков, объединяемых сейчас в т. н. западнокавказскую группу. Однако данному хронологическому поиску препятствует тот факт, что проведение связи древних языков позднего плейстоцена с языками более поздними вряд ли корректно, т. к. речь идёт о таком древнем языковом покрове, которому нельзя найти аналогии в современных языках, т. к. он был стёрт и не оставил языковых потомков. Высока вероятность, что древние языки плейстоценовой эпохи вообще не сохранились¹. Для эпохи раннего голоцена в областях Восточного Причерноморья и ряда соседних областей единственными и главными претендентами могут быть только носители языков одной макросемьи – дене-кавказской и её севернокавказской и далее западнокавказской

ветвей [22, с. 289–311]².

В свете современных лингвистических исследований принят следующий предварительный сценарий становления и дальнейшего развития этой макросемьи. Самой ранней ветвью отделилась семья языков на-дене, а оставшееся синно-кавказское звено этой общности сохранялось в виде общего диалектного континуума в пределах областей, примыкавших к Средней Азии и, видимо, Ирана. Период сложения синно-кавказской макросемьи датируется периодом VIII или IX тыс. до н. э. Несколько позже синно-кавказская общность распадается на восточную и западную ветви, когда от неё в период от VI до IV тыс. до н. э. отделилась прасинно-тибетская семья, а позже, вероятно, во II тыс. до н. э. и праенисейская ветвь [22, с. 289–311]. Именно с западно-синно-кавказской ветвью и связана, очевидно, дальнейшая историческая судьба создателей раннеголоценовых культур Кавказа, Восточного Причерноморья и ряда культур Передней Азии.

По мнению специалистов, на территории древнего Ближнего Востока на роль создателей ранних неолитических культур могут претендовать 2 макросемьи – афразийская и синно-кавказская. Древнейшие представители этих двух макросемей распространили навыки земледелия и скотоводства, с одной стороны, афразийцы из Леванта и Восточного Средиземноморья в Северную Африку и Аравию, а синно-кавказцы – из областей

¹ Судя по имеющимся глубоким реконструкциям древних языковых семей и макросемей, их генезис не уходит глубже границ раннего голоцена. Данное обстоятельство со всей очевидностью допускает то, что в плейстоценовую эпоху существовали иные несохранившиеся языки, которые не оставили потомков.

² Языки семьи на-дене по ряду данных со всей очевидностью представляют наиболее древнюю группу синно-кавказской макросемьи, что позволяет говорить о существовании в прошлом более обширного объединения дене-кавказской макросемьи. К сожалению, сегодня далека от разрешения проблема определения прародины всей трёхчастной модели данной макросемьи. Сразу оговоримся, прародину самой большой таксономической единицы, такой как дене-кавказская макросемья, следует искать, очевидно, в областях либо Центральной Азии, либо Сибири, до отделения самого раннего звена в лице языков на-дене и их последующего ухода через Берингию, очевидно, периодом позднего дриаса.

Северной Месопотамии и Ирана на Кавказ, Анатолию и со всей очевидностью в Европу [19, с. 35–53].

В связи с этим для нас актуальна проблема времени и места обособления и формирования уже собственно носителей севернокавказских языков, в недрах которых потом сформируются будущие носители западнокавказских языков.¹ Время обособления собственно севернокавказской семьи, а равно как ареала, где происходил этот процесс, должно строго коррелировать с данными по культурной лексике и лексике природного окружения как самой севернокавказской семьи, так и более ранней макросемьи, в состав которой на правах члена она входила, т. е. синно-кавказской. Время начала распада западного ответвления синно-кавказской макросемьи происходило, очевидно, уже в середине мезолита, когда её древние носители уже постепенно переходили к освоению навыков земледелия и скотоводства в недрах ещё мезолитической эпохи. Это подтверждается и тем, что уже позже обособившаяся севернокавказская семья предстаёт с богато представленной культурной лексикой развитого неолитического облика. Время этого обособления, несомненно, должно приходиться на период конца мезолита и начала неолита, когда с началом распада западного ответвления синно-кавказской макросемьи из неё выделилась прабаскская ветвь [24, с. 95–105]. Оставшийся на месте в пределах Кавказа, Анатолии, Северной Месопотамии и Ирана осколок некогда обширной общности формируется уже независимо в качестве севернокавказской семьи². Исходя из данной модели,

представителями древнейшей культуры обитателей Кавказа, а значит и Абхазии, уже на рубежах мезолита и неолита были древние представители севернокавказской языковой семьи.

Позже уже на месте в пределах этой общности стало намечаться обособление отдельных крупных ветвей – западнокавказской и восточнокавказской. По мнению специалистов, время такого обособления должно было происходить не ранее начала IV тыс. до н. э. Общеисторические данные свидетельствуют в пользу более раннего этапа такого разделения.

Судя по данным культурной лексики, это обособление стало окончательным лишь в период знакомства с древнейшими навыками металлургии меди. Причём, судя по географии самых ранних очагов сложения древнейшей металлургии меди, первые шаги к металлургии совершались на южной периферии обширной севернокавказской общности, а именно в областях Северной Месопотамии и Анатолии. Данный факт вполне согласуется с наличием наиболее ранних и архаичных представителей севернокавказской языковой семьи в лице хаттов и хурритов³. Тем самым датировать время обособления

отжимных пластинах». По одному из вероятных сценариев данная традиция распространялась на Кавказе, где импульсом и очагом её сложения стал круг культур с таким эталонным памятником, как Дарквети, т. е. даркветская культура, и с таким её поздним раннеэнеолитическим продолжением, как дарквет-мешоковская культура (в авторском понимании лучше именовать эту культуру восточнопричерноморской). Далее в своем движении данная культура достигла областей Крыма и Северного Причерноморья. Именно эта культура, вероятнее всего, и несла традиции навыков производящей земледельческо-скотоводческой экономики, в т. ч. из Восточного Причерноморья в Крым и, вероятно, в уже более ослабленной интенсивности – в Северное Причерноморье. В частности, вероятно, таким путём попало просо в Европу [17, с. 101–118].

³ В случае с хурритами автор предполагает сценарий, по которому в период миграции пракартвелов с территории Центрального Кавказа произошло демографическое давление, спровоцировавшее активную миграцию хуррито-урартов и ряда древних нахско-дагестанских народов на юг от Кавказа, в частности, на Ближний Восток и Иран.

¹ Мы не исключаем, исходя из общеисторических данных, реальности того факта, что западно- и восточнокавказскую группы следует рассматривать в качестве отдельных языковых семей, но, несомненно, состоящих в близком родстве, в т. ч., возможно, «приобретённом».

² Присутствие этой общности, вероятно, следует связать и с археологическим свидетельством импульса носителей технико-технологических традиций «отжимного расщепления» и «трапещий на

севернокавказской общности на западную и восточную ветвь можно периодом не позднее VI тыс. до н. э.¹

Правда, до недавнего времени наличие богатой культурной лексики в прасевернокавказской общности в качестве носителя развитой неолитической экономики может считаться доводом в пользу того, что основной ареал её сложения должен был быть к югу от Кавказа².

Уже в период размежевания 2 основных ветвей северокавказской семьи они, т. е. обе ветви – восточнокавказская и западнокавказская, находились в местах своего нынешнего современного бытования. Восточное Причерноморье было уже в то время заселено многочисленными общинами, носителями древнего северокавказского языка, и представляло собою совокупность более или менее однородных диалектных групп. Географический контур группы этих общин охватывал обширную Восточнопричерноморскую дугу, где они формировались в виде этноязыковых лингвореликтов, формируясь в этих естественных ландшафтных рефугиумах. Здесь в условиях относительно однородной экологической среды общество переходило к новым производящим формам ведения хозяйства. Населявшие предгорные и холмистые зоны древние раннеголо-

ценовые общины постепенно осваивали прибрежные плодородные аллювиальные долины. Это и были древние общины и поселенцы – носители прасевернокавказских диалектов, будущие представители западнокавказской (абхазо-адыгской) общности. На Кавказе они активно осваивали речные долины и предгорья, а позже вплотную подошли к субтропическим Колхидским прибрежным лесам.

В это же время аналогичные процессы происходили на южной периферии этой огромной общности. Здесь, на юге в Анатолии, после отступления крупных озёрных водоёмов с предгорий гор Тавра и склонов Понтийских гор стали спускаться многочисленные общины, потомки древних насельников, которые оставили нам такие эталонные памятники, как Чейюню-тепеси, Гебекли-тепеси и аналогичные им памятники, осваивая речные долины, в т. ч. рек Кзыл-Ирмак и Ешиль-Ирмак, они достигли Южного Причерноморья. Это и были многочисленные общины носителей древних западнокавказских языков, от которых в пределах древней Анатолии до нас дошёл только лишь хаттский язык³.

Будучи ещё создателями культур раннеголоценового периода, эти древние носители западнокавказских языков занимались первоначально сезонным собирательством диких зерновых культур, в частности, проса, по аналогии со своими ближневосточными соседями. Очевидно, разводили уже свиней и коз, а наличие богатых лесов способствовало зарождению в будущем и зачатков древнейшего садоводства. Позже с окончательным утверждением неолитической производящей земледельческо-скотоводческой экономики на южной периферии запад-

¹ Вероятно, этим же временем либо несколько более ранним периодом к навыкам производящей экономики переходили находившиеся по соседству с прасевернокавказцами многочисленные общины носители праафразийских языков, а также очевидно многочисленные общины носители реликтовых языков Северной и Южной Месопотамии.

² Доводом для этого якобы служит тот факт, что по данным археологии такой развитой неолитической культуры на Кавказе в период существования носителей прасевернокавказского языка пока ещё не существовало [22, с. 289–311]. Тезис о том, что наличие в культурной лексике прасеверокавказского языка терминов развитой неолитической культуры, может явиться доводом в пользу южной Ближневосточной локализации северокавказской семьи, требует осторожного подхода. К сожалению, для северокавказской семьи специальные междисциплинарные работы по сопоставлению культурной лексики с данными археологии и палеогеографии пока редки.

³ Несомненно, хатты лишь небольшой осколок некогда обширной, но не сохранившейся группы языков, которые, если так можно выразиться, не успели зафиксироваться исторически, т. е. на территории Древней Анатолии существовали и другие аналогично хаттскому древние языки западнокавказского круга.

нокавказского языкового ареала древние западнокавказцы вступили на путь освоения первых навыков металлургии меди.

Уже на пороге энеолита вся эта территория окончательно формирует облик носителей языков западнокавказского круга, а в языках её современных потомков мы и фиксируем в качестве праязыковой основы культурную лексику неолита/энеолита как объективное отражение самостоятельного перехода их древних предков к земледелию и скотоводству в местах их древнего, а по сути, и нынешнего бытования. Уже на рубежах неолита и энеолита западнокавказская общность предстаёт на юге носителями хаттского языка, а на севере, на кавказской стороне, в виде многочисленных языков абхазо-адыгского круга [6, с. 51–70].

Заключение

Итак, согласно вышеизложенному, автохтонные западнокавказские языки как, впрочем, и их древние носители, уже формировались здесь на месте и были творцами и создателями неолитической культуры «восточнопричерноморского» типа. Об этом, в частности, свидетельствуют и данные по лексике природного окружения, в которой представлена и морская/береговая лексика. Она лишней раз подтверждает, что западно-кавказская общность в своей древнейшей этногенетической истории тяготела к прибрежным зонам, и в нашем случае это было побережье Чёрного моря [9, с. 296–306; 10, с. 289–295].

Дата поступления в редакцию 01.10.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердзенишвили Н. З., Церетели Н. З. К вопросу об истоках неолитической культуры Черноморского побережья Грузии (по материалам пещеры Апианча) // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР Л., 1983. С. 51–57.
2. Бжания В. В. Кавказ // Неолит Северной Евразии / отв. ред. С. В. Ошибкина. М., 1996. С. 73–86.
3. Новые данные о неолите Северо-Западного Кавказа из Мезмайской пещеры / Л. В. Голованова, В. Б. Дороничев, Е. В. Дороничева, М. А. Кулькова, Т. В. Сапелко, Ю. Н. Спасовский // Российская археология. 2016. № 3. С. 5–19.
4. Зайцева Г. И., Трифонов В. А., Дергачев В. А. Проблема неолитизации Западного Кавказа и изменение окружающей среды // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1. / отв. ред. А. Г. Ситдииков. Казань, 2014. С. 263–266.
5. Канделаки Д. А. Становление производящей экономики на территории Абхазии // Человек: его биологическая и социальная история: мат-лы конф. Т. 2 / отв. ред. Н. А. Дубова. М., 2010. С. 259–263.
6. Канделаки Д. А. Хатты. Локализация. Идентификация. Хронология // Якаевские чтения: сб. конф. / отв. ред. Ю. Г. Макаренко. Краснодар, 2016. С. 51–70.
7. Канделаки Д. А. Неолитизация Восточного Причерноморья: проблема интерпретации в контексте общего понятия «неолит» (взгляд историка) // Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных: тезисы междун. конф. / отв. ред. В. А. Алексин. СПб., 2016. С. 51–54.
8. Канделаки Д. А. Зарождение древнего земледелия на территории Абхазии: к проблеме ранних этапов (взгляд историка) // Общество и власть на Кавказе и Ближнем Востоке: проблемы развития взаимоотношений в прошлом и настоящем / под ред. И. В. Крючкова. Ставрополь, 2021. С. 23–29.
9. Климов Г. А. Абхазо-адыгские этимологии I (исконный фонд) // Этимология: Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1967. С. 296–306.
10. Климов Г. А. Абхазо-адыгские этимологии II (заимствованный фонд) // Этимология: Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / отв. ред. О. Н. Трубачёв. М., 1968. С. 289–295.
11. Колобова К. А. Эпипалеолит Ближнего Востока: обзор исследовательских концепций // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3/2. С. 106–109.

12. Колпаков Е. М. Периодизация и понятие «неолит» // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 61–64.
13. Корниенко Т. В. Вопросы физической географии, периодизации и хронологии в исследовании первичных очагов «неолитической революции» на территории центральной части плодородного полумесяца // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 4. С. 5–16.
14. Кушнарева К. Х., Рысин М. Б. К проблеме неолитизации Кавказа и Передней Азии // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии / под ред. В. И. Тимофеева, Г. И. Зайцева. СПб., 2004. С. 14–37.
15. Леонова Е. В. Ещё раз о неолите Северного Кавказа // Российская археология. 2019. № 4. С. 43–53.
16. Манько В., Чхатаршвили Г. Миграционные процессы и вопросы культурного взаимодействия в Закавказье в XII–VI тыс. до н. э. // Вестник Армяноведения. 2021. № 1. С. 157–176.
17. Манько В. О., Чхатарашвили Г. Л. На границе двух миров: восточный и западный импульсы в процессе неолитизации Восточной Европы // Прочнее меди / под ред. Л. В. Дергачёвой. Кишинёв, 2023. С. 101–118.
18. Мешвелиани Т. К. К вопросу о возникновении неолита в Западной Грузии. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2. С. 61–72.
19. Милитарёв А. Ю., Шнирельман В. А. К проблеме локализации древнейших афразийцев (опыт лингво-археологической реконструкции) // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: тезисы и доклады конф. Ч. 5 / под ред. И. Ф. Вардуль. М., 1984. С. 35–53.
20. Небиеридзе Л. Д. Неолит Юго-Западного Кавказа // Археология Кавказа. 2009–2010. № 2-3. С. 19–38.
21. Ошибкина С. В. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии / под ред. С. В. Ошибкиной. М., 1996. С. 6–9.
22. Старостин С. Н. Культурная лексика в общесевернокавказском словарном фонде // Старостин С. Н. Труды по языкознанию М.: Языки славянских культур, 2007. С. 289–311.
23. Трифонов В. А. Существовал ли на Северо-Западном Кавказе неолит? // Адаптация культур палеолита-энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе / под ред. В. А. Трифонов. СПб., 2009. С. 84–93.
24. Чирикба В. А. Баскский и северокавказские языки // Древняя Анатолия / под ред. Б. Б. Пиотровского. М., 1985. С. 95–105.

REFERENCES

1. Berdzenishvili N. Z., Tsereteli N. Z. [On the Origins of the Neolithic Culture of the Black Sea Coast of Georgia (Based on the Materials of the Apiancha Cave)]. In: *Issledovaniya po mezolitu i neolitu SSSR* [Research on the Mesolithic and Neolithic of the USSR]. Leningrad, 1983, pp. 51–57.
2. Bzhanian V. V. [Caucasus]. In: Oshiblina S. V., ed. *Neolit Severnoy Yevrazii* [Neolithic of Northern Eurasia]. Moscow, 1996, pp. 73–86.
3. Golovanova L. V., Doronichev V. B., Doronicheva E. V., Kulkova M. A., Sapelko T. V., Spasovskii Yu. N. [The New Data on the Neolithic of the North-west Caucasus from the Mezmaiskaia Cave]. In: *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2016, no. 3, pp. 5–19.
4. Zaitseva G. I., Trifonov V. A., Dergachev V. A. [The problem of neolithization of the Western Caucasus and environmental change]. In: Sitdikov A. V., ed. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda v Kazani. T. 1* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan. Vol. 1]. Kazan, 2014, pp. 263–266.
5. Kandelaki D. A. [Formation of the producing economy on the territory of Abkhazia]. In: Dubova N. A., ed. *Chelovek: yego biologicheskaya i sotsialnaya istoriya* T. 2 [Man: his biological and social history. Vol. 2]. Moscow, 2010, pp. 259–263.
6. Kandelaki D. A. [Khatty. Localization. Identification. Chronology]. In: Makarenko Yu. G., ed. *Yakayevskie chteniya* [Yakaevskie readings]. Krasnodar, 2016, pp. 51–70.
7. Kandelaki D. A. [Neolithization of the Eastern Black Sea region: the problem of interpretation in the context of the general concept of "Neolithic" (a historian's view)]. In: Alekshin V. A., ed. *Aktualnaya arkheologiya 3. Novyye ekvivalentnyye arkheologicheskiye dannyye* [Actual archeology 3. New interpretations of archaeological data]. St. Petersburg, 2016, pp. 51–54.

8. Kandelaki D. A. [The emergence of ancient agriculture on the territory of Abkhazia: on the problem of early stages (a historian's view)]. In: Kryuchkov I. V., ed. *Obshchestvo i vlast na Kavkaze i razviti Vostoka: problemy razvitiya teorii v proshlom i nastoyashchem* [Society and power in the Caucasus and the Middle East: problems of the development of relationships in the past and present]. Stavropol, 2021, pp. 23–29.
9. Klimov G. A. [Abkhaz-Adyghe etymologies I (original fund)]. In: Trubachev O. N., ed. *Etimologiya: Materialy i issledovaniya po indoevropeyskim i drugim yazykam* [Etymology: Materials and research on Indo-European and other languages]. Moscow, 1967, pp. 296–306.
10. Klimov G. A. [Abkhaz-Adyghe etymologies II (borrowed fund)]. In: Trubachev O. N., ed. *Etimologiya: Materialy i issledovaniya po indoevropeyskim i drugim yazykam* [Etymology: Materials and research on Indo-European and other languages]. Moscow, 1968, pp. 289–295.
11. Kolobova K. A. [The Near East Epipaleolithic: Review of research concepts]. In: *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Altai State University], 2015, no. 3/2, pp. 106–109.
12. Kolpakov E. M. [Periodization and the concept of “Neolithic”]. In: *Rossiyskiy arkhologicheskii yezhegodnik* [Russian Archaeological Yearbook], 2014, no. 4, pp. 61–64.
13. Kornienko T. V. [Issues of physical geography, periodization and chronology in the study of the primary foci of the “Neolithic revolution” in the central part of the Fertile Crescent]. In: *Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 2021, no. 4, pp. 5–16.
14. Kushnareva K. Kh., Rysin M. B. [On the problem of the Neolithization of the Caucasus and Western Asia]. In: Timofeev V. I., Zaitsev G. I., eds. *Problemy khronologii i etnokulturnykh vzaimodeystviy v neolite Yevrazii* [Problems of chronology and ethnocultural interactions in the Neolithic of Eurasia]. St. Petersburg, 2004, pp. 14–37.
15. Leonova E. V. [Once again about the Neolithic of the North Caucasus]. In: *Rossiyskaya arkhologiya* [Russian Archeology], 2019, no. 4, pp. 43–53.
16. Manko V., Chkhatarashvili G. [Migration processes and issues of cultural interaction in Transcaucasia in the XII^{–VI} millennia B.C.]. In: *Vestnik Armyanovedeniya* [Bulletin of Armenian Studies], 2021, no. 1, pp. 157–176.
17. Manko V. O., Chkhatarashvili G. L. [At the fringe of two worlds: Eastern and Western impulses in the process of Neolithization in Eastern Europe]. In: Dergacheva L. V., ed. *Prochnyye medi* [More lasting than Bronze]. Chisinau, 2023, pp. 101–118.
18. Meshveliani T. K. [On Neolithic Origins in Western Georgia]. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [Archeology, ethnology & anthropology of Eurasia], 2013, no. 2, pp. 61–72.
19. Militarev A. Yu., Shnirelman V. A. [On the problem of localization of the most ancient Afro-Asians (an experience of linguo-archaeological reconstruction)]. In: Vardul I. F., ed. *Lingvisticheskaya rekonstruktsiya i drevneyshaya istoriya Vostoka: tezisy i doklady konf. CH. 5* [Linguistic reconstruction and the most ancient history of the East: theses and reports of the conf. Part 5]. Moscow, 1984, pp. 35–53.
20. Nebieridze L. D. [Neolithic of the Southwestern Caucasus]. In: *Arkheologiya Kavkaza* [Archeology of the Caucasus], 2009–2010, no. 2–3, pp. 19–38.
21. Oshibkina S. V. [The concept of the Neolithic]. In: Oshibkina S. V., ed. *Neolit Severnoy Yevrazii* [Neolithic of Northern Eurasia]. Moscow, 1996, pp. 6–9.
22. Starostin S. N. [Cultural Lexicon in the Common North Caucasian Vocabulary Fund]. In: Starostin S. N. [Works on Linguistics]. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2007. Pp. 289–311.
23. Trifonov V. A. [Did the Neolithic Exist in the Northwest Caucasus?]. In: Trifonov V. A., ed. *Adaptatsiya kul'tury paleolita-eneolita k izmeneniyam prirodnoy sredy Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Adaptation of Paleolithic-Eneolithic Cultures to Changes in the Natural Environment in the Northwest Caucasus]. St. Petersburg, 2009, pp. 84–93.
24. Chirikba V. A. [Basque and North Caucasian Languages]. In: Piotrovsky B. B. ed. *Drevnyaya Anatoliya* [Ancient Anatolia]. Moscow, 1985, pp. 95–105.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Канделаки Давид Автандилович – научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Абхазского института гуманитарных исследований имени Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии; главный хранитель Пицундского историко-археологического музея;
e-mail: david_kandelaki@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

David A. Kandelaki – Researcher, Department of Ancient and Medieval History, Abkhazian Institute of Humanitarian Research named after D. I. Gulia of the Academy of Sciences of Abkhazia; Chief Curator, Pitsund Historical and Archaeological Museum;
e-mail: david_kandelaki@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Канделаки Д. А. О ранних этапах становления земледелия и скотоводства на территории Абхазии и их значении в этногенетических исследованиях // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 27–38.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-27-38

FOR CITATION

Kandelaki D. A. On the early stages of agriculture and cattle breeding formation in the territory of Abkhazia and their significance in ethnogenetic research. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI, pp. 27–38.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-27-38